

Соб. Кербель-тура. — 1990. — 17 февраля
«Звезда» в ушанке — С.9

Интервью, которое не должно было состояться

Известно, что «звезда» Голливуда Ричард Гир терпеть не может давать интервью и вообще общаться с журналистами. Он предпочитает, чтобы о нем писали на основе фильмов с его участием. В последние годы наши зрители смогли с ним познакомиться по лентам «Офицеры и джентльмены», «Коттон клуб» и другим. Но теперь Ричард Гир лично побывал в Москве и посетил премьеру картины Сергея Соловьева «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви» в кинотеатре «Россия». Там и произошла встреча корреспондента со «звездой».

На премьеру фильма С. Соловьева Ричард Гир прибыл в ушанке. Его никто не узнавал, и он пребывал в естественном состоянии человека, который пришел на чужой праздник.

— Г-н Гир, позвольте задать вам буквально два вопроса, поскольку известно, что вы не жалуете журналистов своим расположением.

— Пожалуй, задайте. Но только два. Не больше двух (смеется). Кстати, как вы поживаете?

— Спасибо, очень хорошо, а вы?

— Спасибо, у меня тоже все в порядке. Это был ваш первый вопрос.

— Прошу прощения, нет. Первый вопрос: что вас связывает с Сергеем Соловьевым и почему именно его премьеру вы выбрали из всего списка мероприятий, проходящих сегодня вечером в Москве?

— Нас связывает с Соловьевым случайность. Я шел по Нью-Йорку. Гулял. Вдруг меня кто-то пихнул в живот. Я спрашиваю: «Ты кто?». А он мне

отвечает на каком-то непонятном языке. Как выяснилось, человек, пихнувший меня в живот, оказался советским режиссером Сергеем Соловьевым. Ну а я-то — актер! Мы познакомились, как знакомятся актеры и режиссеры во всем мире, я пригласил его к себе домой, мы поговорили, естественно, выпили, так и начались наши отношения. И теперь я здесь, на его премьере.

— Вы второй раз в СССР. Какие возможности открываются перед вами в плане сотрудничества?

— Возможности есть. И для совместного творчества, и для чего-то другого... Но говорить о чем-либо конкретном пока рано. Это, надеюсь, ваш второй и последний вопрос?

— Нет, господин Гир, это был не вопрос, а уточнение. Вопрос второй: что бы вы хотели сказать тем голливудским актерам, которые, возможно, купили билеты и собираются

прилететь в Москву? Может быть, какие-нибудь пожелания или предостережения?

— Я хотел бы предупредить всех моих коллег, что здесь плохая пища, но хорошие люди.

— Господин Гир...

— Нет. Это уже четвертый вопрос.

— ...Почему вы так не любите журналистов?

— Я очень люблю журналистов, — с гримасой отвращения говорит «звезда», заметив, что нас снимают телекамеры, он обнимает корреспондента один раз, потом второй, третий... Отметив, что камеры продолжают работать, даже целует меня в лоб. (М-м-м-да!)

— Как вы себя чувствуете на улицах Москвы? Вас узнают?

— Я этого не заметил.

— А в Америке?

— Там узнают, а вы сомневаетесь? Слушайте, — и он смотрит на меня как сержант на непослушного солдата, — вы превысили лимит. Заплатите мне за это!

— Сколько же вас устроит?

— Ну, к примеру, 100.

— 100 чего? Рублей?

— Можно и рупий! — то ли не понял, то ли пошутил Гир.

В этот момент фейерверк по случаю премьеры, как бы запрещенный Моссоветом, начался на улице. И «звезда», сопровождаемая толпой поклонников, поправляя на ходу ушанку, ушла за горизонт. Если бы Гира в этот момент снимали, это был бы чудный финал для короткометражного фильма: он шел устало, но твердо, будто победил шесть-семь боксеров-профессионалов подряд. Успевал пощелкивать фотоаппаратом, который помещался в его ладони. Ладони «офицера и джентльмена», который, как мне показалось, все же недолго любил журналистов.

А. БУДЕННЫЙ.